

B.L. Shinchuk, I.A. Doroshin

**Network Communication
and Communication in a Network:
Radical Transformation
of Value Measurement
of the Global Communication Subject**

The basic threats of religious communities in the world of social networking are studied. Special attention is given to the analysis of fundamental causes of religious behavior risks globalization.

Key words and word-combinations: risk, religion, social networking, communication in a network, cyberspace.

Исследуются базовые угрозы профессиональных общностей в мире сетевого общения. Особое внимание уделяется анализу фундаментальных причин глобализации рисков религиозного поведения.

Ключевые слова и словосочетания: риск, религия, сетевое общение, общение в Сети, киберпространство.

УДК 325/327:004:002

ББК 66.4(0),3+73

Б.Л. Шинчук, И.А. Дорошин

СЕТЕВОЕ ОБЩЕНИЕ И ОБЩЕНИЕ В СЕТИ: РАДИКАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО ИЗМЕРЕНИЯ СУБЪЕКТА ГЛОБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Молодежь, как правило, сконцентрирована на тех территориях, которые в наименьшей степени приспособлены к ее полноценному существованию, структурированы к тому, чтобы обучать и давать образование. Это неизбежно влечет социальную напряженность и радикализацию, риски волнений и потрясений для всех иных социальных пространств. Не составляет исключения и киберпространство. При этом иерархии в этой среде еще менее устойчивы, просты и ориентированы «по горизонтали», алгоритмы поведения и ценностного выбора выстроены ризоматически, а связи в сравнении с традиционными общностями крайне слабы. К тому же возникает тенденция сокращения дистанции властных отношений при переходе значительной части

*Публикация выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01216.

человеческой жизнедеятельности в среду киберпространства и формировании при этом новой, более плоской и менее устойчивой, чем в реальном мире, — сетевой иерархии [1, с. 169]. Катаклизмы последних лет происходили как раз в странах с большой глубиной внедрения сетевых технологий. Описанная А. Бардом и Я. Зодерквистом нетократия вызывает рецидив анархического неприятия государства теперь уже креативным классом [2].

Информационные технологии построения безопасности все более определяют особенности существования этноконфессионального сознания. Например, «слишком» защищенный от прослушивания смартфон сделал возможным объединение погромщиков (использующих его) в 2011 г. в Лондоне. После этих событий в Сети были распространены вирусные ролики взрывающихся смартфонов именно этой компании.

Постепенно исчезает представление о «маленьком человеке», на котором покоятся социальные системы и иерархии традиционных религиозных и национальных идентификаций. Но это не говорит о «взрослости» представлений. Для социальных проекций ценностного зазеркалья нарциссически выстроенного субъекта государство искаженно представляется неким агонизирующим Левиафаном, которое будут принимать все меры по удержанию «подданных».

Современные решения безопасности при таком подходе воспринимаются в постсоветском сознании как попытка возведения «электронных железных занавесов» [3, с. 84] в духе холодной войны (например, китайский Great firewall of China (Golden Shield Project)). В этом случае чувствуется и резонанс 1990-х годов — сколько же можно прятаться.... Но следует помнить, что подобные трактовки обусловлены нашим собственным не очень удачным опытом. Не стоит ли позаимствовать идею? Идею шторы, занавеса для нашего собственного зазеркалья. «Окна в Европу» достаточно давно используются нами исключительно как зеркала, в котором мы видим лишь собственные недостатки. И чем темнее за окном, тем больше мы видим себя. В жанре нарциссического самобичевания пишутся целые сценарии российского будущего.

Сложившиеся отношения всегда задают, по меньшей мере, инертность изменений при том, что люди и так меняются медленнее, чем поколения вещей. В новых условиях могущественным катализатором изменений оказываются религиозные ценности и идеи национального возрождения. Необходимо отметить также критическую виртуализацию ценностных практик. Люди пытаются измениться быстрее, а то и мгновенно (феномен «обращения»).

В конце XX в. обнаруживается, что глобальные риски не выстраиваются в привычные позиционные схемы цивилизационных противостояний. Историческое понимание государства и его роли в цивилизационном процессе, казалось бы, уничтожил ядерный баланс. Конфликты перемещаются в плоскость столкновений государства и «субнациональных групп» [4, с. 159], а также религиозных объединений. Такими субнациональными группами являются, как правило, этноконфессиональные объединения, укрепленные не только внутренними отношениями общности, но и принципами смоделированной псевдообщности. Моделирование происходит активно за счет культурегерства.

Не стоит забывать, что национальные вопросы по значимости поднимаются на уровень баланса, аналогичного ядерному, именно благодаря религии («два рычага, два центра, на которых держится страна — ядерная энергия и религия», по словам Президента России В.В. Путина [5]).

При всем этом привычные религиозные отношения вытесняются сконструированными комплексами, а традиция оказывается перед вызовами, которые по силе сравнимы с атеистическими погромами. Ощущение риска и захватывающего «приключения» не покидает молодежь в поисках либерализации христианской Церкви, возвращения к некоему чистому исламу «праведных предков» и т.д. Но ощущение остается ощущением, а последствия, как всегда, делятся неравным образом. *Как провозглашает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, «честь, жертвенность, правда, ответственность, справедливость, свобода как Божий дар... живое ядро, сердце отечественной культуры... — противоположность суррогатам»* [6]. Все это с трудом реализуется в онлайн режиме, в котором проходит большая часть дня, например, студента.

Реальность становится лишь режимом пребывания офлайн, становясь в этом случае чем-то *ущербным* — как будто бы отключили трафик, возможность «общения», получение «новостей», да и «всякой информации». Как будто зашли в душ, а воду отключили. Это ощущение от «ущербной» реальности переносится на бытийное восприятие, двигаясь затем в сторону осмысления оснований социального бытия, может стать основанием для протестного заряда, того негативного самоощущения, которое, к сожалению, легко встраивается в ценностное фундирование поведения. Иными словами, начинается поиск «*виноватого Иного*» по принципу «Пастернак и патиссон — что ни овощ, то масон...»

Реальность начинает выстраиваться по схемам и правилам онлайн. Самым ярким примером может быть массовость флешмоб-мероприятий. Информационные вызовы упираются и в особенности «сетевое сообщество» (в терминологии М. Кастельса). Сеть — это специфический процесс протекания коммуникации в противоречивой ситуации коммуникационной перегрузки [7, с. 67]. Очевидна амбивалентность сети, она же дает преимущества в возможности фрагментировать коммуникацию, подстраивая ее под физиологические условия человеческого бытия [8, с. 101], оставляя открытыми горизонты и проекции коммуникации [9, с. 149].

Прошло достаточно времени с момента «панк-молебна» в Храме Христа Спасителя, что позволяет увидеть весь возможный спектр трактовок, вплоть до попыток заподозрить в проделанном PR-теракт [10]. Само знаковое пространство стало импозивным пространством — взрывающимся пространством смыслов, а виртуализирующееся пространство лишается смысла, главной характеристикой его стал нонсенс [11, с. 59]. Иными словами, совершена попытка достижения ценностного предела, который по ошибке ассоциируется с абсолютным итогом возможных ценностных усилий. Стоит добавить, что налицо схемы действия, характерные для перемещений онлайн. Сакрализация пространства неизвестна технократическому неолиберализму, как и миру онлайн. Снижение нормативности требований и ответственности также характерны для уютного мира персональных компьютеров, хотя и это пространство

Глобальной сети. Таким образом, можно сделать предварительные выводы о трансформации субъекта глобальной коммуникации на стыке ценностей интернет-сообществ и коммуникации, вынесенной в Сеть (сетевое общения и общения в Сети). А именно — формирование активной радикальной ценностной мотивации из-за свободных от реальности ценностных запросов.

«Форматированию контекста» (А. Игнатъев) способствуют взрывные скорости сетевого мира, сама динамика и, соответственно, нарастающая скорость коммуникации, которая дает колоссальные перегрузки. Тем не менее психика, как и социальные реакции, остаются во многом прежними. Существует интересная особенность нашего реагирования, связанная со скоростью, известная каждому грамотному водителю — эффект «слепоты, вызванной движением». Летчиков обязательно предупреждают и специально тренируют с учетом этого феномена, поскольку наиболее сильный эффект получают на высоких скоростях. Правило одно — никогда не фокусироваться на одном объекте, вращать головой. Иначе периферическое зрение исчезает, а человек буквально перестает видеть «по бокам». Вот в это «по бокам», к сожалению, умещается порой вся культура наших отношений.

Интернет-серфинг становится массовым развлечением для значительного числа людей, когда Интернет «летает», и кажется, что весь мир на ладони: восприятие субъекта находится в «тоннеле». Скоростная коммуникация специфична, а тоннель будет лучшей иллюстрацией этой специфики. В ценностном отношении подобная коммуникация будет характеризоваться абсолютной по притягательности целью в «этом» мире, тяготением к хилиастическим идеям, пренебрежением параллельным целеполаганием, разрушением представлений о «близких» и «дальних», как и всего «жизненного мира субъекта». Опыт переживания иного человека скорее напоминает «краш-тест». Чрезвычайно сложно провести границу и в законодательстве. На роль религиозных объединений претендуют коммерческие проекты и фан-клубы (Макцерковь [12], Церковь Диего Марадоны [13], Фан-клуб Бавария [14] и многие другие).

С проблемой определения границ религиозных отношений, их демаркации, а также с тотальной информатизацией и появлением нетократии как нового субъекта отношений связан вызов новых религиозных движений (НРД). Современная картина фрагментации религии оказалась гораздо сложнее, нежели в случае конфликта с псевдорелигиями, которые гримировались под обшину спасения. Блоги становятся реальной оппозицией традиционным СМИ, а НРД — традиционным религиям и т.д. Еще предстоит проследить связь складывающейся нетократии как стратегического субъекта XX в. [15, с. 48] и новыми религиозными движениями.

Впервые новый класс был назван нетократией в работе А. Барда и Я. Зодерквиста: «Новый правящий класс — Нетократия — вышел на арену... вместо ранее существовавшего пролетариата нарождается новый “потребительский” класс — консьюмерият» [16, с. 7]. Церкви предстоит колоссальная работа и миссия среди людей, «живущих» онлайн, которая будет учитывать специфические особенности, травмы и несоответствия с привычным миром Церкви, проповедь Евангелия в мире, в котором она не сможет совершаться. Евангелие

ристия остается «якорем», который будет держать в реальности христиан, возвращая от представлений, какими бы правильными они ни были, к жертвенности, ответственности и свободе. Жертвенность, ответственность и даже осуществление свободы предполагают, как представляется, некоторую линию поведения, заданную ценностным измерением. Сетевая же коммуникация выстраивается как навигация нелинейным образом. Можно сделать предварительный вывод, что «дурная» бесконечность коммуникации задает несвободу субъекта. В этой ситуации человек не более свободен, нежели корабль в открытом море без руля.

Интересно, что гипертекстуальную коммуникацию просто противопоставить метанарративу, но... гипертекстуальное толкование при ценностном фундировании вовсе не означает опровержения Истории. Казалось бы, священные тексты для человечества стали воплощением Истории. Но даже в библейском тексте каждый стих многозначен, способен порождать бесконечное количество толкований и ассоциаций, то есть целую *сеть* новых смыслов [17].

Необходимо подчеркнуть основные характеристики сетевого общения субъектов глобальной коммуникации, такие как нелинейность, неопределенность, продолжающееся фрагментирование структуры или даже дисперсность, визуализация («цивилизация образа» (У. Эко) и мультимедийность, при максимальной технической опосредованности или посредничестве как нежелании прямого обращения (желательно от третьего лица), синтагматизация парадигматических связей (М. Визель). Массмедиа выстраиваются по сетевому принципу (например, ресурс «Бездна новостей», как и ссылки «госдепа» США на социальные сети) и «производят трансцендентальную иллюзию» [18, с. 221].

Важной становится роль коннотаций, перемещение по которым происходит «прыжками», «деканонизация» коннотаций общения, как борьба с традиционными ценностями в самом акте коммуникации, символическим видением и глубиной, активное пребывание на поверхности пространства (интернет-серфинг), понимание пространства как поверхности в целом, всеобщее сращивание сознания со средствами коммуникации, как следствие, — эскалация специфических информационных наработок в целях ведения в сетевом потоке продолжающихся конфликтов, колонизация пространства, которая предполагает размывание функциональных ролей, допускает множественность «создателей» коммуникации и нечеткие границы. Стоит также учитывать, что и применение любой теории в сети становится гипертекстуальным.

По выражению М.Н. Эпштейна, характеристикой коммуникации становится «сетевой нарциссизм — когда автор рыщет по сети в поисках упоминания своих многочисленных имен, ников... возникает как бы некое гало, семиотический ореол» [11, с. 70]. Применение находки данного ученого можно расширить — «сетевой нарциссизм» кажется чем-то более фундаментальным. Кроме того, Сеть в большей степени «нарциссична», нежели кажется, — в отличие от реальности она зависима и выстроена на основании букета запросов действующего в ней персонажа. Выражение можно обогатить и более «тяжелым» термином «виртуальный аутизм» Ю.В. Шичаниной [19, с. 71]. Напомним, что нарциссическое любование в отличие от немногих психологи-

ческих трактовок — в социальном плане довольно болезненный процесс. Если в греческой трагической традиции обнаруживается удобный и красивый образ Нарцисса, то в святоотеческой литературе — довольно неудобный образ собаки, лижущей пилу и дуреющей от вкуса собственной крови. Пожалуй, отцы прошлой эпохи не могли представить себе еще большую трансформацию образа Нарцисса в эпоху сетевых технологий — предложение любования собственной смертью — например, в популярном ролике австралийского претендента на премию Дарвина, отпилившего себе голову бензопилой «на спор». По мнению И.И. Ашмарина, «автопроектирование существовало всегда» [19, с. 71], но все-таки не в такой форме. Корни романтизма прошлого как стиля основаны на стимулировании автопроектирования и героизации, что сближает его с автопроектированием в современной Сети, правда, слово «герои» в свете новостей и предыдущих оранжевых проектов массового автопроектирования произносится опять же болезненно.

Многие изменения в информационной сфере создали потенциальную угрозу для публичной сферы [11, с. 71]. Не составляет исключения и религия, более того — эта могущественная система социальной безопасности и принимает первый удар. Виртуализация религии привела к тому, что нравственность и догматика — то, «во что верят» (вернее «в Кого верят») — уходят из значимых тем. То, что перевернуло мир и сделало его таким, каков он есть, вывело нас из окружения «варваров», ужасов политеизма, антропоморфно-зооморфной преисподней, хаоса материи, игрища высших сил, закодированного круга теургии и магии, дурной бесконечности и белчьего колеса циклической истории, этически-правовой пирамиды, лабиринта внутривидового самоистребления, гетто этнической самодостаточности... оказывается вне «значимых» тем.

Это ведет, с одной стороны, к тому, что представители различных конфессий готовы общаться друг с другом — можно же быть просто добрым человеком. Но мы имеем дело по сути с дизайнерским проектом, что-то вроде того как построить «добрый дом». Неудивительно, что мы получаем обратный эффект — «количество лжи и подтасовок безмерно увеличилось, и в этом смысле публичная сфера, несомненно, сузилась» [19, с. 270]. Само понятие «конфессиональная идентичность» становится маргинальным, не аутентичным.

Ценностные потрясения в сетевом мире в значительной степени отражает также трансформация трудовой занятости — от служения до фриланса. Это совершенно иная форма целеполагания и реализации личностного потенциала. Осталось, пожалуй, только три специальности, которые предполагают службу, — военного, священнослужителя и... *государственного служащего*. Сетевое общение, целе-ценностные полагания которого находятся в Сети, не может представлять собой религиозное действие. Простое общение в Сети предполагает собой лишь расширение функционала коммуникации и может стать частью религиозного действия и даже «пути спасения». Не представляя собой трансцендирования, сетевое общение симулирует его, удваивая реальность.

Идентичности и локальные культуры, как объясняет У. Бек, утрачивают корни и заменяются символами товарного мира, сформированного рекламой транснациональных корпораций: «Бытие становится дизайном — причем пов-

семестно. Люди суть то, что они покупают» [20, с. 82], товар определяет сознание. Но то, что в 2001 г. «утрачивало корни», в 2015 г. — утратило, мы же — еще аналитическим образом — живем в отражениях прошлого, разбирая на части хлам, скопившийся в нашей голове и считая это отражением реальности. В христианской лексике это сравнимо с «блужданием помыслов» — болезнью души «от грехопадения», связанной с ассоциативным построением матрицы идей: «...мысль сходит в архив памяти и помощью воображения перебирает там весь собравшийся хлам, переходя от истории к истории (сравните с заменой «History» многочисленными «stories» в дискурсе постмодерна. — *Авт.*) по известным законам сцепления представлений, приплетая к бывалому небывалое, а нередко даже невозможное, пока не придет в себя и не возвратится к действительности окружающей» [21, с. 32]. Интересно, что этот же принцип прописан теоретиками постмодерна — вместо Истории мы рассказываем «stories» — истории, практически анекдоты. Социальные связи оказываются не исторически сложившимися, а «анекдотическими» — анекдотически описываемыми. Анекдотические отношения плоски, и набор их небольшой, социальная же общность — это исторически сложившееся единство. Разделяя понятия «общность» и «общество» как органическое и «механическое» единство, вслед за Ф. Теннисом, отметим, что возможности вступить в связи общности новые условия практически не оставляют.

Таким образом, ассоциативно выстроенная идейная матрица, основанная на деятельности эмпирического воображения, ведет к созданию отношений общества. «Как воображение есть сила неразумная, действующая большей частью механически, по законам сочетания образов, духовная же жизнь есть образ чистой свободы, то, само собой разумеется, что его деятельность несовместна с сею жизнью» [22, с. 139] или просто несовместима с жизнью. Духовная жизнь предполагает выстраивание отношений общности, к которым и тяготеет религиозная социальность. Однако часто наблюдается противоположность выстраивания в истории религиозных отношений и сконструированных сообществ.

Глобализация, по мнению З. Баумана, более скрывает нарастающую фрагментированность цивилизации, нежели формирует некий единый мир [23]. Сегментированной реальностью пользоваться неизменно легче, но «бонусы» глобализации оказываются анестетиком для критических изменений, обезболивающую роль которого традиционно выполняла религия. Происходит «развеществление» общественных отношений, замена вещей их образами [24, с. 20], кризис общественной сферы, как «бегство с агоры» [25], конвенциональная очевидность времени, идентичности и пространства ставится под сомнение [11, с. 71].

Сеть, не выполняя служебной функции, не может структурировать, создавать упорядочивающие иерархии, — сеть может только «захватывать», несмотря на то, что сама «сеть» структурирована и иерархизирована [11, с. 63]. В том числе ценностная упорядоченность возможна только привнесенная, сеть не производит, а симулирует социальность. Построение сетевых связей на идейной основе выстраивалось на основе общих ценностей, здесь же мы

говорим о технологическом распространении. Структура превагирует над содержанием, форма над ценностями. Тот, кто «свободен от символических обязанностей, пойман в бесконечные “сети”» [26, с. 9], превратился в пиксель случайного узора.

Итак, ужавшись в «точку», практически не фиксируемую в пространстве и времени, социальности off-line, индивид тем не менее испытывает колоссальное давление смысла и вызова бытия, ценностной памяти и высших запросов, душевных потребностей и духовного голода. Жизненная стратегия отказа, побега увеличивает давление. По мысли З. Баумана, свобода современного индивида возникает из неопределенности; «Свободный индивид современности... — это ...человек, который одновременно и недосоциализирован... и сверхсоциализирован» [27, с. 59]. Но вместо свободы как спасения мы все чаще имеем дело просто со свободой от ответственности.

Библиографический список

1. *Куприянов А.В.* Евразийский конгресс ИТ-директоров «Российские просторы» // *Власть*. 2012. № 7. С. 169–170.
2. *Куприянов А.В.* Розу белую с черной жабой... URL: <http://ibusiness.ru/blogs/25008>
3. *Устинкин С.В., Тимофеев Г.А., Шунина А.А., Иванова В.А.* Эволюция деятельности исламских политических партий и общественных движений в современной России // *Власть*. 2012. № 8. С. 84–87.
4. *Gurr T.R.* Peoples against States: Ethnopolitical Conflict and the Changing World System // *International Studies Quarterly*. 1994. № 38. P. 359–363.
5. *Садыхов М.* Чем отличается ваххабит от салафита? URL: <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-12285.html>
6. Выступление Предстоятеля Русской Церкви Кирилла Патриарха Московского и всея Руси на расширенном заседании Патриаршего совета по культуре. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2029569.html>
7. *Глазунова С.А.* Нетократия: власть в информационном обществе // *Власть*. 2012. № 7. С. 67–70.
8. *Назарчук А.В.* Новая коммуникативная ситуация: рождение сетевого общества // *Философия и будущее цивилизации: мат-лы тезисы докладов IV российского философского конгресса: в 5 т.* Москва, 24–28 мая 2005 г. М., 2005. Т. 3.
9. *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург, 2004.
10. *Сандомирский М.* Игры Pussy Riot. URL: <http://www.liberty.ru/Themes/Igry-Pussy-Riot>
11. *Уханов Е.В.* Идентичность в сетевых коммуникациях // *Философские науки*. 2009. № 10. С. 59–71.
12. *Уайт Т., Йетс Дж.М.* Франчайзинг макцерковь. М., 2010.
13. *Диего Марадона.* URL: <http://lenta.ru/lib/14172137>
14. *Фан-сайт болельщиков Баварии Мюнхен.* URL: <http://www.1000dosok.ru/doski.php?n=1302705&t=11-03>
15. *Денисов А.А.* Нетократия как стратегический субъект XXI века // *Проблема субъектов российского развития: мат-лы международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный проход».* Звенигород, 16–19 октября 2006 г. / под ред. В.Е. Лепского. М., 2006.
16. *Бард А. Зодерквист Я.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / пер с англ. СПб., 2004.
17. *Bernstein M.* Patterns of hypertext // *Proceedings of Hypertext*. URL: <http://www.eastgate.com/patterns/print.html>.
18. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2006.

19. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
20. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 82.
21. Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? М., 1996.
22. Невидимая брань: Блаженной памяти старца Никодима Святогорца / пер. с греч. еп. Феофана. М., 1999.
23. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. URL: http://yanko.lib.ru/books/sociology/bauman;individualized_society;2005
24. Марков Б.В. После оргии // Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000.
25. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального 2. Размышления о Всемирном торговом центре – третья версия. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2001_07.htm
26. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
27. Бауман З. Свобода. М., 2006.

L.S. Yakovlev, G.A. Rozevatov
Features of Self-Identification
in Network Communities

The Internet is considered as communication environment providing ample opportunities for self-development and self-expression, thuswise – for self-identification. It is proved that the Internet communication is generally mediated by virtual communities. Network communities represent a new type of social organization which requires being analyzed namely as a new social phenomenon.

Key words and word-combinations: online communities, self-definition, socialization.

Интернет рассматривается как коммуникативная среда, предоставляющая широкие возможности для саморазвития и самовыражения, а следовательно, для самоидентификации. Доказывается, что интернет-коммуникации, как правило, опосредуются виртуальными сообществами. Сетевые сообщества представляют собой новый тип социальной организации, требующий анализа именно в качестве нового социального феномена.

Ключевые слова и словосочетания: сетевые сообщества, самоидентификация, социализация.

УДК 316.354:004.738.5
ББК 60.55+32.973.202

А.С. Яковлев, Г.А. Розеватов

ОСОБЕННОСТИ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ

Интернет-комьюнити в современных условиях стали одним из важнейших агентов социализации. Интернет предоставляет самым широким слоям населения доступ к набору ресурсов, ограниченных лишь уровнем общего культурного потенциала человечества, и снимает ограничения на саморазвитие. Если в традиционных культурах человек был замкнут в пространстве непосредственного окружения, где действовал целый спектр механизмов социального контроля, исключавших вариативность развития, с появлением сетевой организации свободным оказывается не только выбор из огромного набора возможных траекторий, но и конструирование своей собственной. В последние годы связанные с этими процессами социальные изменения стали предметом интенсивной научной разработки [1–3].